

**Заметки из введения Хулиана Каррона
к духовным упражнениям Братства Святого Иосифа по видеосвязи**

Вечер пятницы, 7 августа 2020 г.

На входе: *Франц Шуберт Trio con pianoforte n. 2 op. 100 – Spirto gentil CD 14**

Начнем наш жест с того, что попросим Святого Духа широко раскрыть всю нашу человечность, все наше сердце, наш разум, нашу преданность, чтобы мы смогли понять благодаря этой открытости тот способ, с помощью которого Он становится присутствием среди нас, в глубине нашего я, чтобы он смог вырвать нас из небытия, которое так часто проникает в нашу жизнь, вплоть до мозга костей.

Discendi, Santo Spirito

- *Far finta di essere sani*
- *Luntane, cchiù luntane*

«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»¹
Трудно найти более лаконичную фразу, которая бы выразила взгляд Христа на человека, на наше человеческое величие. Этот вопрос – приглашение осознать, что, если мы приобретем весь мир, но затем потеряем себя, мы не сделаем ничего хорошего в нашей жизни.

С самого начала этой фразой Он дал нам в руки – заставив нас вибрировать и заставляя нас вибрировать и по сей день – критерий суждения для сравнения всего, что появляется на горизонте нашей жизни. Таким образом, Иисус говорит нам, как Бог бросил нас в схватку с реальностью, во всеобщее сравнении со всем, поместив внутри нас detector'a (открывателя, прим. переводчика), нашу человечность, которая настолько огромна, что заставляет нас дрожать от одной мысли об этом. Можно не слышать вопрос Иисуса, но – как поет Габер – нельзя избежать постоянного сравнения того, что есть человек, что есть каждый из нас, со всеми образами завершения и полученного ответа. Мужчина может купить мотоцикл с «хромированной рамой и рулем, с большим количеством поршней, кнопок и странных аксессуаров»; среднестатистическая женщина может покупать «ожерелья и кремы для рук», а все «притворяются здоровыми»; кто-то может отложить конец жизни, беседуя с «учебной группой, массажи, [...] текстами»² самыми разнообразными, притворяясь здоровым; он также может планировать поездки в далекие места, но он не может избежать этого сравнения, которое неизбежно. На самом деле, из-за того, что *Luntane, cchiù luntane* заставляет нас вибрировать, мы не можем притворяться, что в нас нет величия, о котором говорит Иисус. Поэтому в истории не было ни одного человека, который бы утвердил человечность каждого из нас сильнее, чем Иисус.

Что есть человек? Что есть я, который может приобрести весь мир и потерять себя? Чтобы осознать это, каждый может составить список вещей, с помощью которых он пытался заработать самого себе, как тот список, что составляет Габер. Часто мы живем в образе, мы

* «Слушая это необыкновенное трио Шуберта, я еще раз понял, что смысл, значение вещи становится возможным благодаря целостному взгляду, наиболее понимающему по отношению ко всей совокупности объекта, который находится перед человеком. [...] выражает желание докопаться до сути вещей и, в то же время, осознание бедности имеющихся средств: отсюда его щемящая печаль»(Л. Джуссани, «Красота, от которой нельзя отказаться», в *Spirto gentil. Spirto gentil. Un invito all'ascolto della grande musica guidati da Luigi Giussani*, a cura di S. Chierici e S. Giampaolo, Bur, Milano 2011, pp. 203-204).

¹ Мф. 16,26.

² «*Far finta di essere sani*», слова и музыка Г. Габера.

поддаемся образу, продиктованному всеобщим менталитетом, но этот образ не совпадает с нашей реальностью. Мы обнаруживаем это не тогда, когда дела идут плохо, но – как я всегда говорю – когда все идет так, как мы хотели бы, когда нам удастся осуществить путешествие или намеченные проекты. Недавно друг из Казахстана, с которым я провел видеоконференцию, сказал всей общине, что его попытка осуществилась, но он испытал – это было очевидно в его глазах – что что-то не сходится. И это каждый из нас, как и он, обнаруживает живя. Далеко ходить не надо, искать экзотические места. Живя повседневной жизнью, именно в действии нашего я, мы удивляемся, насколько это имя – Иисус – может реализовать нашу человечность. Мы также увидели это недавно, с тех пор как мы встретились на упражнениях Адвента³. Мы столкнулись с серьезным вызовом из-за беспрецедентной провокации, такой как коронавирус и последующая изоляция, со всеми последствиями, которые все еще продолжаются, потому что, как мы все видим, это еще не конец. Это обстоятельство, которое мы не выбрали и которое мы все разделяем, потому что никто не смог убежать от этого обстоятельства. С самого начала мы столкнулись с этим неожиданным, отождествившись со взглядом Джуссани. Реальность предстает перед нашими глазами. Если мы посмотрим на "структуру реакции", которой каждый из нас обладает перед реальностью, мы поймем составляющие нас факторы. Поэтому первое, к чему мы приглашены, – это наблюдать за собой в действии. Если рассмотреть человеческую динамику, которую каждый из нас в столкновении с реальностью, пережил и переживает, мы заметим, что именно это столкновение приводит в движение механизм обнаружения составляющих нас факторов. Но как часто мы не следуем за Джуссани, потому что нам кажется, что мы уже все знаем или не воспринимаем весь его охват, и поэтому мы упускаем прекрасную возможность увидеть, как появляется в повседневной жизни, перед нашими глазами, наша сущность, каковы факторы нашей жизни, нашего бытия, что есть человек, которым является каждый из нас и который может получить весь мир и потерять себя.

Поэтому, по крайней мере, в наши дни, давайте позволим Джуссани вести нас за руку, чтобы наблюдать, что происходит в нас и что произошло в эти времена, обращая внимание на влияние на нас этой реальности, которая так мощно ворвалась в жизнь. Что мы обнаружили? Это имеет решающее значение, так как, как говорит отец Джуссани, «человек, который редко сталкивался с реальностью, например, потому что ему мало приходилось трудиться, будет слабо осознавать свое собственное сознание, в меньшей степени будет ощущать силу и вибрацию своего разума». ⁴ То есть он не сможет увидеть, как вибрируют составляющие его факторы.

Первое, на что следует обратить внимание, – это то, что реальность провоцирует нас таким образом, который не сводится к нашим мыслям: она упряма, это факт, который мы не можем отменить, который мы не можем укротить, который мы не можем умалить до нашей собственной меры. Только подумайте о том, как за все эти месяцы у каждого была тысяча мыслей об этом вирусе со всеми вытекающими последствиями и о том, как справиться с ситуацией: реальность показала себя упрямой и заставила каждого из нас соизмерять свои мысли с ней, с реальностью, которая никогда не переставала удивлять нас своей несводимостью к чему-либо. Мы видели, что предложение Джуссани не что иное, как описание того, как по-настоящему внимательный к происходящему наблюдатель вынужден признать воспитательную силу реальности. Если каждый будет способен это признать, то есть не притворяться, удивиться, изменить и исправить, чтобы, – как всегда говорил Джуссани, цитируя Жана Гитона – «подчинить разум опыту»,⁵ а наши мысли – проживаемому опыту. Сколько раз за эти месяцы мы убедились в правоте той фразы

³ Cp. Appunti dall'Introduzione e dall'Omelia di Julián Carrón al ritiro di Avvento della Fraternità San Giuseppe (Pacengo–VR, 29 novembre 2019), 05/12/2019, clonline.org.

⁴ L. Giussani, *Il senso religioso*, Rizzoli, Milano 2010, p. 139.

⁵ Cp. J. Guitton, *Arte nuova di pensare*, Edizioni Paoline, Cinisello Balsamo (Mi) 1986, p. 71.

Шекспира, которую мы часто повторяем: «И в небе и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости, Горацио».⁶

Это, как ни парадоксально, привело к тому, что наша человечность, наша уязвимость, наши ограничения и в то же время наше беспокойство и наши вопросы предстали перед нашим сознанием. Мы ощутили всю вибрацию нашего разума, который не удовлетворен банальными объяснениями, ищет и продолжает искать, пока не найдет адекватный ответ. Чем больше человек позволяет себя удивить, тем больше появляется перед его глазами «тайна вечная земного бытия», пока он не теряет дар речи, что глубоко и остро осознавал Леопарди. Чем больше мы ощущаем столкновение с реальностью, тем больше проявляется наша истинная природа с ее хрупкостью и в то же время во всем величии. «О, если ты, природа человека,

Лишь тление, ничтожество и прах, как можешь ты парить так высоко?».⁷

Я спрашиваю: какое сознание мы приобрели? Это сознание было настолько знакомо Джуссани, что он постоянно повторял, что он не нашел себе друга, в котором можно было бы увидеть вибрацию его человечности, кроме как в Леопарди.

Повторяю: что мы выучили из реальности? Что мы узнали о нашей человечности? Почему мы не переживаем эту драматическую связь с реальностью? Нет человеческого опыта, кроме как столкновения с обстоятельствами, которые нас провоцируют, которые нас пробуждают, которые бросают нам вызов. Жизнь никогда не статична. Мы часто хотим убежать, но не можем избежать того, чтобы быть всегда на сцене мира, реальности. Никогда не покидайте эту сцену, всегда будьте на сцене! Как я уже говорил, человек осознает составляющие его факторы, наблюдая себя в действии, в динамике своей человечности, в своем отношении с реальностью. Реальность, любая реальность, независимо от того, как она нам является, независимо от лица, которое она принимает, от впечатления, которое она вызывает у нас, это всегда благо, потому что она выявляет составные факторы "я", но только если мы, хотя бы в малейшей степени, способны ответить на удар, который она вызывает у нас.

Сколько раз я узнал на своей шкуре, что реальность – это благо для меня! Я не мечтал об этом ночью: независимо от того, с каким лицом она мне представлялась, она всегда была передо мной, провоцировала меня и заставляла смотреть на нее. Как и для каждого, так и моя жизнь, стала все более увлекательным приключением, потому что все становилось мне товарищем. Реальность была другом, любая реальность была мне другом. Все, кто выходили на сцену реальности, были друзьями, потому что независимо от того, были ли они правы или неправы, было у них красивое или уродливое лицо, они постоянно проявляли мое я, составляющие факторы моего я. Поэтому вызов, подобный тому, что мы уже пережили и который мы переживаем сейчас, пробудил нас-как это ни парадоксально – от оцепенения, в котором мы так часто живем.

Как говорил одна журналистка, мы слишком долго жили под наркозом, будучи частью слишком часто ошибочной по сути системы. Но бывают моменты, когда реальность поражает нас настолько сильно, что очень сложно смягчить удар, уклониться или проигнорировать ее провокацию. Произошедшее вновь пробудило с помощью нашей свободы наше внимание, привело в движение наш разум, заставило вибрировать «проклятые» вопросы, которые выражают природу, безотлагательность смысла, который нас определяет; безотлагательность, которую впечатляющим образом воскресило столкновение с суровой и нелюбезной реальностью. Поэтому в наши дни очень важно каждому из нас наблюдать за собой, чтобы увидеть, какова была структура нашей реакции на данные обстоятельства. Мы часто пытаемся спастись бегством, убежать от реальности, отвлекаясь, мечтая и создавая образы. Или мы защищаемся от нее и оказываемся в пузыре, потому что

⁶ В. Шекспир, Гамлет, акт I, сцена V в переводе М.Л. Лозинского.

⁷ Дж. Леопарди К портрету красавицы, изваянному на ее надгробии, XXXI, vv. 22-23, 49-51 в Id., *Cara beltà...*, BUR, Milano 2010, pp. 96-97. В переводе В.Ф. Помяна.

там мы чувствуем себя, как нам кажется, более защищенными от ответных ударов. Или мы не соглашаемся с провокацией, мы не позволяем проявиться разуму со всей неотложностью составляющего его смысла. Итак, – говорит Джуссани, используя очень сильную фразу, – это подобно «убийству человечности».⁸ Происходящее требует исчерпывающего объяснения, но мы предпочитаем останавливаться на сентиментальной реакции, говоря: «Она красивая, уродливая, приятная, неприятная» вместо того, чтобы принять провокацию реального. И поэтому мы видим, как нигилизм побеждает все больше и больше, который заставляет нас считать реальность небытием. Не принимая провокации реальности, мы становимся все более и более хрупкими, все более и более слабыми, осознавая все меньше и меньше все составляющие нас факторы. Как будто все способствует нашему уплощению, а не возвышению.

Мне говорил один человек, который больному повторял процитированную фразу: «Остановись и подумай». И он с постели поправил фразу, дополнив ее: «Стой, подумай, посмотри!». И добавил: «Чем дольше я останавливаюсь, чтобы подумать, тем больше я осознаю этот динамизм, тем больше я смотрю на все по-другому, даже удивляясь себе, своей жене, реальности, своим внукам, своим детям». Как здорово, когда мы поддаемся тому способу, с помощью которого Тайна, что все сотворила и продолжает творить, зовет нас!

Иногда случается то, что о чем говорит Честертон: «Только когда вы потерпели кораблекрушение всерьез, вы действительно найдете то, что вам нужно».⁹ Потому что мы настолько внутри пузыря, что ничего не понимаем.

Чем больше проявляется вся жажда смысла, вся безотлагательность ответа, тем больше мы можем по-настоящему понять написанное в литургии. В этом смысле меня недавно поразил отрывок пророка Исаии: «Жаждающие! идите все к водам; даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте и ешьте; идите, покупайте без серебра и без платы вино и молоко».¹⁰ Это жажда, которая нас определяет. Когда мы живем, столкновение с реальностью толкает нас изнутри со всей своей силой к поиску того ответа, который действительно может утолить нашу жажду. Это не вопрос денег, речь просто идет об утолении этой жажды, которую мы находим внутри, потому что эта жажда – Писание говорит нам об этом по-разному, но всегда с очень сильной экзистенциальной настойчивостью – является критерием суждения для распознавания того, что действительно утоляет жажду. Тогда пророк бросает нам вызов: вы, жаждающие, почему вы тратите деньги на то, что не является хлебом, а свои заработки – на то, что не насыщает? Какая польза человеку от приобретения всего мира, если он затем потеряет себя? Почему мы тратим деньги, жизнь, то, что мы заработали, на то, что не насыщает? Потому что именно это имеет в виду пророк Исайя: внутри нас есть критерий суждения, позволяющий распознать то, что удовлетворяет этот голод и жажду, составляющие нашего я. Мы никогда не лишены этой способности. Нравится нам это или нет, но мы всегда стремимся признать то, что нас удовлетворяет. Как говорил Льюис: «Что мне нравится в этом опыте, так это то, что он такой честный». Вы не можете обманывать: «Вы можете сделать кучу неправильных поворотов; но посмотрите внимательно, и вам не дадут зайти слишком далеко, пока не появится правильный указатель». Вы можете проверить сами, идете ли вы в правильном направлении или выбрали неправильный путь: «Вы можете обмануть себя, но опыт не попытается вас обмануть». И заканчивает красивой фразой, которая побуждает к поискам: «Вселенная дает истинный ответ, когда вы честно ее об этом просите».¹¹

Каков критерий? Наша человечность – как мы сказали на упражнениях Адвента. Она не просто что-то, что заставляет нас страдать, бремя, которое мы должны нести, несмотря ни на

⁸ L. Giussani, *Il senso religioso*, op. cit., p. 160.

⁹ G.K. Chesterton, *Le avventure di un uomo vivo*, Mondadori, Milano 1981, p. 62.

¹⁰ Ис. 55,1.

¹¹ C.S. Lewis, *Sorpreso dalla gioia*, Jaca Book, Milano 1982, pp. 199-200.

что, бездна, которую невозможно заполнить и которая мешает нашим отношениям с реальностью. Напротив, наша человечность – это критерий, который позволяет нам интересоваться всем, видеть, как все вибрирует, как это случилось с больным человеком, который смог еще больше понять, что хотели сказать его жена или дети.

Я всегда осознавал с воодушевлением, что во мне есть эта способность вибрировать, судить. Я много раз повторяю, что мою жизнь спасла верность своей вибрирующей человечности, с которой я не хотел идти ни на какие компромиссы, но которой я хотел потакать, признавая ее в любой ситуации. И так я обнаружил, что этот комплекс потребностей и очевидностей, которые у меня были, стал критерием для оценки всего, что происходило. Как сказал Достоевский: «Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем и ошибкой стать бессовестным».¹²

Почему это так важно? Почему обстоятельство, через которое мы прошли, было таким решающим? Потому что оно пробудил все наше я. И потому что мы сможем перехватить истину, только если наше я пробудилось, выведенное из замешательства, в котором мы так часто живем, из пронизывающего нас нигилизма. Наше замешательство во многих случаях не зависит от того факта, что правда не стоит перед нашими глазами; причина в том, что у нас нет возможности перехватить и распознать ее, поскольку мы настолько оцепенели, что кажется, будто правда ничего нам не сказала. Наоборот, когда у человека проснулась вся его человечность, настолько израненная, но вся пробужденная, он действительно может перехватить Господа, который помещает себя в реальность и отвечает: «Послушайте Меня внимательно и вкушайте благо, и душа ваша да насладится туком. Приклоните ухо ваше и придите ко Мне: послушайте, и жива будет душа ваша».¹³

Бог помещает Себя в историю как Присутствие, единственная задача которого – ответить на эту жажду, на эту безотлагательность, что реальность постоянно пробуждает в нас.

Но где этот Бог? Где Его перехватить?

Мы можем перехватить Его в свидетеле, в том, в ком мы Его видим.

Пророк Исаия продолжает: «И дам вам завет вечный (но где? Как мы можем признать его? С помощью чего?), неизменные милости, обещанные Давиду. Вот, Я дал Его свидетелем для народов, вождем и наставником народам».

Мы можем видеть его в принадлежности к народу, в котором есть свидетели, подобные Давиду. Мы можем признать, что Господь установил этот завет не потому, что Он произносит высокопарные речи, а потому, что я вижу, как Он проявляется в ком-то, кто вызывает привлекательность и пробуждает во мне желание поддаться ему. Это настолько очевидно, что что его узнают люди, которых ты не знал. Своим присутствием он привлечет людей, которых ты не знал, но которые перехватят то, что он приносит. Пророк Исаия продолжает: «Вот, ты призовешь народ, которого ты не знал». Ты назовешь его своей жизнью, своим присутствием, своим образом принадлежности. Ты будешь называть людей, которых ты не знал, людьми, внимательными к тому, чтобы видеть присутствия, в которых они могут перехватить надежду на жизнь. «Вот, ты призовешь народ, которого ты не знал, и народы, которые тебя не знали, поспешат к тебе ради Господа Бога твоего и ради Святого Израилева, ибо Он прославил тебя».

Чем больше человек видит перед своими глазами Господа, который так стремится удовлетворить жажду сердца, тем больше он побуждает искать Его. «Ищите Господа, – говорит пророк – когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко».

Но чтобы его найти, необходимо удовлетворить эту потребность, которая часто противоречит общему менталитету. На самом деле, многие предпочитают оставаться равнодушными, потому что кажется невозможным, что есть кто-то, кто заботится о нас, кто-то, кто может удовлетворить нашу жажду. Поэтому необходимо изменить образ мышления:

¹² F. Dostoevskij, Lettere sulla creatività, Feltrinelli, Milano 1991, p. 55.

¹³ Ис.55,2-3.

«и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив. Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь».

Тайна бросает нам вызов способом, который нас сбивает с толку. И по этой причине Его замысел кажется нам настолько далеким от нашего образа мышления, что мы не можем поверить в Его призыв, думая, что мы более реалистичны, чем Бог. Мы говорим: «Мы не настолько наивны, чтобы верить в непомерные обещания!». Мы предпочитаем идти своими путями, мы чувствуем, что его пути очень далеки от наших, потому что это именно так. «Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших». Какая преданность нужна, чтобы доверять обещанию! Только те, у кого есть такая смелость, смогут увидеть, как это обещание выполнено, смогут увидеть, как это обещание сбудется. «Итак вы выйдете с весельем и будете провожаемы с миром; горы и холмы будут петь пред вами песнь, и все деревья в поле рукоплескать вам. Вместо терновника вырастет кипарис; вместо крапивы возрастет мирт; и это будет во славу Господа, в знамение вечное, несокрушимое».¹⁴

Господь приглашает нас не быть наивными и иррациональными, следуя за Ним. Те, кто согласится последовать за Ним, смогут убедиться в исполнении обещания: вместо колючек вырастут кипарисы, вместо крапивы вырастут мирты. Жизнь будет процветать. Те, кто следует за Ним и потекают Ему, удивляются своему собственному цветению, и таким образом Господь открывает Свою истину. Его слава – это само сияние Его истины и знак Его победы. Слава Господа – вечное знамение, которое не будет уничтожено. По этой причине те, кто встретил Его, не могут, как говорится в псалме, не открывать глаза в уверенном ожидании того, что рано или поздно Он ответит: «Очи всех уповают на Тебя, и Ты даешь им пищу их в свое время», согласно плану, который не наш: открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению. [...] [потому что] Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине».¹⁵

Почему встреча с реальностью, которая вновь нас пробуждает во всей нашей нужде, так решительна для признания и удержания Господа и Его обетования? Потому что, как сказал отец Джуссани, «мы, христиане, в современном климате были отделены от христианских формул не напрямую, от христианских обрядов не напрямую, от заповедей христианского Декалога не напрямую. Мы были оторваны от человеческого основания [...]. У нас есть вера, которая больше не является религиозностью [...], [вера, которая не отвечает на жизненные нужды и, следовательно, не сознательная], вера, которая не знает саму себя».¹⁶ Потому что «нет ничего более невероятного, чем ответ на незадаанный вопрос».¹⁷ И это имеет решающее значение для веры сегодня. Причина, по которой люди больше не верят или верят не веря, как мы часто видим, сводя веру к формальному, ритуальному участию, жестам или морализму, заключается в том, что они не живут своей человечностью. Поэтому провокация, которую мы пережили в эти месяцы пандемии, имела решающее значение для нашей веры. Дело не в том, что Тайна не может использовать происходящее для самой решающей задачи, которая состоит в том, чтобы заставить нас понять, что отвечает на все потребности. Причина, по которой люди не верят или верят не веря, заключается в том, что их человечностью, их чувствительностью, их совестью и, следовательно, их человечностью, им не интересна, как если бы электроэнцефалограмма была плоской, как если бы я оказалось в полном оцепенении. И тогда вера становится чем-то, не влияющим на жизнь. Вот почему отец Джуссани приглашает нас, он все это время приглашал нас «всегда насыщенно переживать реальность»,¹⁸ указывая на это как на формулу истинной религиозности.

¹⁴ Ис.55,3-13.

¹⁵ Пс. 144,15-16.18

¹⁶ L. Giussani, La coscienza religiosa nell'uomo moderno, 21 novembre 1985, in Quaderni del Centro Culturale "Jacques Maritain" – Chieti, gennaio 1986, p. 15.

¹⁷ R. Niebuhr, Il destino e la storia, a cura di E. Buzzi, Bur, Milano 1999, p. 66.

¹⁸ L. Giussani, Il senso religioso, op. cit., p. 150.

Переживать насыщенно реальность означает позволить вибрировать всей силе твоей человечности, твоего разума, безотлагательности смысла. Если у нас нет этой нежности к себе, к нашей человечности, если в нас не хватает человечности, мы приходим к нигилизму. Эта нехватка человечности станет ярчайшим признаком того, насколько в нас преобладает небытие. Мы также можем продолжать формально совершать религиозные жесты, но небытие возобладает.

Что нас спасает?

Осознание нашей человечности заставляет нас признать то, что нас спасает. Это позволяет нам понять значение веры, целесообразность веры для человека, значение веры, христианского предложения для жизненных потребностей; и поэтому препятствует отождествлению христианства с одной из его известных редукций: морализмом, дискурсом или ритуализмом. Никакая редукция не может проникнуть в глубину моего я. И, если это не проникает в глубину моего я, мы остаемся в пустоте, даже со всеми нашими формальными практиками и всеми нашими обрядами. Я настолько несводимо, что только тогда, когда оно начинает вибрировать в унисон с тем, с чем сталкивается, только тогда оно понимает, что удержало то, что действительно нужно для жизни. А тогда оно понимает, что «меня нет, когда тебя нет», как сказано в песне Гуччини, и что, если тебя нет рядом, я «остаюсь наедине со своими мыслями».¹⁹

Но кому я могу сказать: «Меня нет, когда тебя нет, я терплю поражение, когда тебя нет, я жертва своего оцепенения, своих мыслей, всех прощаний в мире, когда тебя нет»?

Давайте подумаем, какой опыт должен был получить Якопоне да Тоди, когда он воскликнул: «Христос меня привлек всего, настолько Он прекрасен!».²⁰ Потому что без человеческой природы, мы неизбежно умаляем Христа. Если отсутствует человеческое, мы довольны тем, что говорим, даже если мы используем слово «Христос». Многие говорят о Христе, но сколько вы знаете, кто действительно нуждается во Христе, чтобы жить? Христос может стать пустым словом, а умаленное таким образом христианство может стать чем-то отвратительным. Все, что случилось с нами и происходит с нами, происходит от того, что мы можем видеть, как наше человечность вибрирует внутри нас, единственное, что может по-настоящему удержать Того, Кто «меня привлекает всего, настолько Он прекрасен».

Пусть эти дни станут для нас возможностью отдаться Тому, Кто становится перед нами, чтобы вытащить нас из небытия и позволить нам испытать Его истину, Его славу, величие истины. Каким образом? Выявляя все человеческое, пробуждая все наше «я». Если нет обратной реакции, если нет подтверждения, это означает, что Христос – не то, о чем мы говорим, потому что, когда Христос вошел в историю, всякий, кто встречал его, не мог не сказать: «Никогда ничего такого мы не видали».²¹

Поэтому попросим быть готовыми к тому, чтобы Он нас поразили Своим присутствием. Мы попросим об этом в тишине, которую мы постараемся соблюдать там, где каждый находится, поддерживая друг друга в свидетельствах людей, которые Его ищут, как говорил пророк Исаия: «Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко».²²

¹⁹ «Vorrei», слова и музыка Ф. Гуччини.

²⁰ Jacopone da Todi, «Lauda XC», в Le Laude, Libreria Editrice Fiorentina, Firenze 1989, p. 313.

²¹ Мк. 2,12.

²² Ис.55,6.

**Заметки из введения Хулиана Каррона
к духовным упражнениям Братства Святого Иосифа по видеосвязи
Утро субботы, 8 августа 2020.**

На входе: *Иоганнес Брамс, Sinfonia n. 4 in mi minore - Spirto Gentil CD 19 **

- *Al mattino*
- *Barco negro*
- *Marta, Marta*

Микеле Берки Мы предвидели, что это собрание состоится по прямой связи со всем миром, кроме Латинской Америки, поскольку там ночь; но кажется, что Латинская Америка уже проснулась, и поэтому мы все на связи.

Привет, я в Братстве Святого Иосифа около года. Во время беседы дон Микеле попрощался со мной, сказав: «обстоятельства, обстоятельства, обстоятельства». Меня тут же поставили перед фактом, что мои отношения со Христом через Братство Святого Иосифа проживаются в обстоятельствах. Меня в то же самое время поразило то, что ты сказал, а именно: что обстоятельства – это призвание, а также твоя настойчивость насыщенно проживать реальность. Сейчас мое главное обстоятельство – это депрессия, от которой я страдаю уже много лет. Страдающие депрессией ни к чему не привязаны, они полностью погружены в нее. Я замечаю это, когда слышу, как мои коллеги деловито говорят о работе или слышу, как священник, с которым я живу, организует жесты движения, и я, у которого за плечами тридцать лет со времени первой встречи, спрашиваю себя: "Но стоит ли это того?». Также обстоятельства депрессии в буквальном смысле слова представляют препятствие. Случается, что я не иду на работу или в церковь, так как я очень плохо чувствую, я не делаю молчание, потому что я плохо себя чувствую. Теперь, когда врачи мне сказали, что я не могу исцелиться, именно в условиях депрессии на кону мое счастье. Я хотел спросить, как я могу жить с этим обстоятельством в соответствии с моим желанием. Благодарю.

Хулиан Каррон. Есть ли шанс, приятель, или сделать нечего? Не хочется идти на работу, не хочется идти на мессу, не хочется делать молчание. Точка. Вопрос закрыт. Что я должен тебе сказать?

Я либо приношу в дар, либо злюсь.

Каррон. Дело не в твоём приношении, но есть ли какая-то возможность, иначе приношение тоже не нужно. И что? Если ты идешь до глубины всего, именно всего, что ты видишь? Неужели нет ни малейшей возможности? Все кончено? Просить об этом и есть насыщено проживать реальность вместо того, чтобы следовать за нашей хандрой. Итак, дойдя до глубины, что остается?

Остается Его инициатива.

Каррон. И какова его первая инициатива? Мы делаем работу вместе, чтобы понять суть вещей. Какова первая его инициатива по отношению к тебе?

Та нежность, о которой ты говорил в последнее время.

Каррон. И в чем Его первая нежность?

Он дал мне понять, что я должен лечиться, например.

* «Это Нечто вне нас (что является первым свидетельством в глазах ребенка, которые открываются, и для его сердца, которое широко распахивается к жизни) обладает захватывающей, убедительной, непреодолимой характеристикой: нечто вне меня соответствует моему я. [...] Эта симфония подобна импульсу разума, который устремляется к реальности, который распахивается в восхищении перед всей совокупностью мира в его богатстве органических деталей» (Л. Джуссани, «Космическое объятие», в Spirto gentil ..., op.cit., p. 265).

Каррон. Сначала есть что-то еще. Чтобы заставить тебя хотеть лечиться, что нужно в первую очередь? Какова первая нежность Тайны по отношению к тебе, погруженному по горло в депрессию, не чуть-чуть, но полностью погруженному в нее?

Это заставляет меня чувствовать скрежет моего состояния, но в то же время заставляет меня принять его как

Каррон. Только это?

Он заставляет меня принять это как условие, через которое он хочет, чтобы я прошел.

Каррон. Еще раньше, что Тайна говорит тебе раньше всего?

Она определенно говорит мне, что хочет личных отношений со мной.

Каррон. А как она тебе говорит? Как? Через то, что ты придумываешь?

Нет, она говорит через обстоятельства.

Каррон. А какое первое обстоятельство?

Первое обстоятельство – это мой вопрос.

Каррон. То есть? Первое обстоятельство – это вопрос. Но если ты дойдешь до сути, кто задает вопрос?

Я не задал себе этот вопрос. В этом я соглашаюсь со всеми, кто это сказал.

Каррон. Этот вопрос задаешь ты, ты! Но тогда ты существуешь. А если ты существуешь, то какой первый знак нежности Тайны по отношению к тебе?

Компания.

Каррон. Что за компания? Не повторяйте готовые фразы, потому что у вас не получается. Что за компания?

Если бы у меня не было этой компании, которая мне помогает в моем несчастье, я не знаю, что со мной случилось бы. Честно говоря, мне нечего добавить к сказанному.

Каррон. А в чем ты видишь, что эта компания тебя не обманывает. Существует столько видов компаний, которые нисколько не помогают.

Эта компания мне помогает понять, что я не определен моими условиями.

Каррон. А как она тебе говорит? Единственное, что ты мне сказал, это то, что ты определен своим состоянием.

Например, когда я работал экологическим оператором, я вставал в четыре часа утра, и в течение недели был день, когда я заканчивал работу и мне было плохо; Я сказал дону Микеле, что в тот день я не могу ходить на мессу или читать часослов.

Каррон. Кто заставляет тебя ходить на мессу? Почему ты чувствуешь необходимость ходить на мессу? Мы не можем совершать жесты, которые не имеют ничего общего, абсолютно ничего общего с депрессией и всем, что с нами происходит. Я говорил тебе вчера. Не то чтобы мы были оторваны от христианских формул, от христианских обрядов, как сказал Джуссани. Сегодня мы отделены от нашей человечности, поэтому мы не знаем, для чего она нужна, для чего нужна депрессия, для чего нужно все, что мы делаем, и, в конце концов, мы находимся во власти небытия. Поэтому я настаиваю, что это первый жест нежности, который Тайна совершает по отношению к вам? Это осознание, с которым компания должна тебя познакомить, если это настоящая компания, если она тебе не врет.

Это заставляет меня стоять перед этим обстоятельством на высоте моего желания.

Каррон.

То есть заставляет тебя осознать, что первый жест нежности Тайны по отношению к тебе – это то, что она заставляет тебя. Она заставляет тебя. «Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение».²³ Чем больше ты погружаешься в депрессию, тем легче – как это ни парадоксально – признать, что это гораздо больше, чем просто заявление врача о том, что ты не можешь выздороветь. Мы не справимся, попытаемся что-то исправить, потому что это невозможно исправить. Это как если бы Тайна привела тебя к краю пропасти; и прямо там, на краю пропасти, что ты можешь сделать? Если ты используешь это для

²³ Ср. Иер. 31,3.

полноценной жизни, то есть для того, чтобы прожить насыщенно реальность, а не оставаться на пороге, в этот момент что покажется более реальным, чем реальность твоего существования и твоей депрессии? Что есть Другой, который тебя творит сейчас. И когда ты туда попадаешь – депрессия или нет, все идет хорошо или нет – возникает проблема свободы: ты позволяешь обнять себя Тому, Кто тебя сейчас творит, или нет? Тебе нужно выйти из депрессии, чтобы позволить Тайне полюбить тебя? Тебе нужно сначала что-то исправить, чтобы позволить быть захваченным присутствием Того, кто любит тебя со всей страстью к твоей жизни? Тебе нужно сначала выздороветь, или это и есть начало, начало исцеления? Ты определен не этим, но этой безумной любовью Того к тебе. И только тогда ты начинаешь понимать, что тебе нужна тишина именно потому, что ты болен. Плохое самочувствие больше не оправдывает того, что ты не делаешь молчания. Как тебе удастся жить и не делать молчания, когда ты плохо себя чувствуешь? Как можно любить себя? Как ты себя выносишь? И там, когда мы достигаем дна бочки, когда мы вынуждены есть со свиньями, как блудный сын, мы не можем, как он, не испытывать трепета желания: в доме моего отца мы жили как Бог! Это суждение позволяет нам войти в самую темную тьму самого себя: в глубине меня находится Другой. И там мы начинаем видеть победу Христа, потому что создается пространство, если мы впускаем Его, Того, Кто меняет наши отношения с самими собой. Как мы сказали на школе общины: новый тип сознания рождается из произошедшего с нами события. И если произошедшее с нами событие не заставляет нас использовать свой разум в полной мере, но остается что-то внешнее, декоративное, значит, вера находится под угрозой. Как сказал Джуссани, люди верят не веря, и как будто все, что мы говорим друг другу, не влияет на то, что с нами происходит, на реальность. В какой-то момент мы говорили себе: «В чем смысл верить? Разве это не самоубеждение? Разве мы не воображаем это? Не наша ли это хандра?». Вот почему каждое утро мы сталкиваемся с огромным вызовом, ты и я, потому что даже я, хотя я не нахожусь в твоём состоянии, призван признать Его – поскольку я приглашаю вас сделать то же самое – погружившись в самые глубины своего я; Я тоже, как и ты, когда узнаю Его в самых темных глубинах, когда «я осознаю, что ты есть, / как эхо [...] я рождаюсь вновь».²⁴ Возрождение там, в глубине депрессии. Но это не механически и не происходит раз и навсегда, это должно происходить мгновение за мгновением, мгновение за мгновением, иначе ты бы этого не выдержал, я бы не выдержал. Спасибо. Хорошей работы.

Ты пишешь: «Наша человечность [...] именно в ней наш критерий суждения».²⁵ Мой вопрос начинается с того, что меня настолько поразила пункт про нежность к собственной человечности, что я так хочу смотреть на нее во всем, даже в том, что меня пугает. Вчера вечером, когда я дочитала в твоей книге до главы о плотском присутствии, о плоти, которая приносит с собой что-то, что отвечает на все наши потребности и чувства, я начала плакать, чувствуя большое желание этого и вместе большую нехватку. Я не спала много в ту ночь. На следующее утро – это был день памяти святой Магдалены – священник на мессе повторил этот стих: «На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. [...] Буду искать того, которого любит душа моя».²⁶ Я была тронута тем, как будто речь шла обо мне. Я почувствовала все желание этой любви, и вместе с этим мне стало немного страшно осознать то, что я часто не нахожу ее. Затем я говорю себе – и сразу же себя оцениваю – что я нахожусь на этом пути, хотя я часто замечаю, что я только отдаленно понимаю, что такое целомудрие, и я должна жить этой любовью, но в то время я часто приживаю ее как нехватку, а не как плотское присутствие. Меня поражает и трогает, что она такая плотская, что я чувствую ее нехватку. Но это

²⁴ A. Mascagni, «Il mio volto», in Canti, Società Coop. Ed. Nuovo Mondo, Milano 2014, p. 196.

²⁵ J. Carrón, Il brillio degli occhi. Che cosa ci strappa dal nulla?, Editrice Nuovo Mondo, Milano 2020, p. 5.

²⁶ Песн. 3,1-2.

часто вызывает у меня много сомнений в моем пути, в том, что мне соответствует. Тогда я думаю, что есть другое, чего мне не хватает: мужа, дома, другой работы, менее сложной; меня терзают тысячи сомнений, и я вспоминаю то, что произошло за эти месяцы. В течение трех месяцев дома одна, физически я почти всегда была одна, я испытывала это Присутствие в определенные моменты даже физически, чего со мной почти никогда не случалось. Может быть, поэтому я испытываю большие нехватку. Как ты проживешь эту плотскую чувственность? Мне страшно смотреть на это во мне, но это слишком важно, я слишком хочу найти, найти эту любовь.

Каррон. Итак, начнем с конца: «Я испытала это Присутствие в определенные моменты даже физически». Что ты узнала в те моменты?

Эти месяцы сильно меня поразили, потому что я очень боялась остаться одна, поэтому сначала было немного тяжело и, прежде всего ...

Каррон. Но когда ты это почувствовала, ты также осознала, что ты не одинока, что ты была наполнена этим Присутствием даже физически. Не вернемся назад! Повтори то, что ты сказала, потому что вы не понимаете, какие удивительные вещи вы говорите.

Со мной такого почти никогда не случалось. Возможно, поэтому я сейчас больше испытываю нехватку.

Каррон. Раньше ты испытывала нехватку, так как ее не было; теперь ты чувствуешь нехватку, потому что она присутствует, в действительности нехватка еще сильнее именно потому, что она присутствует. Что тебе это говорит?

Нехватка сильнее, потому что я ее испытала.

Каррон. Так откуда же возникают сомнения? От того, что ты это не признаешь.

Мне трудно каждый раз осознавать, что эта нехватка исходит от Него. Я приведу тебе пример. Во время изоляции я почти всегда просыпался с мыслью о человеке, в которого была влюблена, я скучала, потому что не я могу видеть его, и говорила себе, что не я должна скучать по этому человеку. Дон Микеле сказал мне: «Но ты не можешь задавать вопросы в других обстоятельствах, задавай вопросы в том, что с тобой происходит». Так что я начала не отрицать тот факт, что я скучаю по этому человеку, но я попросила Его составить мне в этом компанию; и я испытала, что Он составил мне компанию, потому что я не была в отчаянии, поэтому я могу сказать, что я испытала ...

Каррон. Но в тот момент, когда ты скучала по этому человеку, были ли у тебя сомнения в его существовании?

Нет, сомнений не было, но ...

Каррон. Отлично. И какая самое очевидное подтверждение, что ты нисколько не сомневалась в этом Присутствии? Что подтверждало наличие этого присутствия, которое не было результатом твоей хандры?

Что я испытывала нехватку.

Каррон. Ты испытывала нехватку. Итак, что тебе нужно извлечь из этого? Ты испытала нехватку Христа, но после того, как ты впервые ощутили физическое присутствие Христа, ты испытала Его нехватку еще больше. Потому что чем больше человек, которого ты встречаешь, оказывается настолько важным для твоей жизни, тем больше ты по нему скучаешь. Это начало целомудрия. Если мы не будем смотреть на этот факт, тогда возобладают сомнения, потому что мы не понимаем, что тот способ, которым Он становится присутствием, пробуждает все твое стремление к Нему, всю нашу нехватку Его, точно так же, как ты когда-то влюбились в человека. И ностальгия – это не показатель, не знак того, что ее нет. Это самый очевидный знак того, что она есть.

Но нормально, что девяносто девять процентов чувствуют нехватку, и бывает так мало моментов, когда человек чувствует полноту. Поэтому я говорю: либо эта полнота со временем растет ... Но мне недостаточно сказать, что эта полнота со временем будет расти.

Каррон. Вопрос в том, когда ты начнешь это испытывать на опыте.

Не хватает человека, но как прекрасно, когда видишь его!

Каррон. Должно произойти то, что сказала мне сестра ребенка, когда он сказал своей матери: «Мама, я скучаю по тебе, когда тебя нет рядом». Но потом добавил – восьмилетний мальчик! —: «Проблема в том, что я скучаю по тебе, даже когда ты рядом». Потому что, если присутствие больше не пробуждает в вас стремление к ней, в конце концов, ты можешь обойтись без него. Христос отвечает на твою нехватку и в то же время пробуждает всю твою жажду по Нему. Если мы этого не понимаем, в основном мы будем думать, что Христос приходит, чтобы утолить нашу жажду, т. е. уничтожить нашу жажду, превратить нас в камни, чтобы мы больше не чувствовали нехватку и больше ничего не желали. Но если бы ты влюбилась в человека сейчас, тебе бы хотелось не скучать по нему? Ты этого хочешь? Спроси это! Поскольку вы этого не понимаете, вы в итоге представляете, что идеал – не испытывать по Нему ностальгии, думая, что, если вы испытываете ностальгию по Нему, это означает, что Его нет, что нет ответа. Следовательно, мы заполняем пустоту другими образами, один за другим, удаляя их один за другим, потому что ни один из них не отвечает. Если бы Христос был чем-то, что мы воображаем, Он был бы одним среди других в пантеоне нашего воображения.

Итак, дело в том, что нехватка плотская.

Каррон. Как ты говоришь, нехватка плотская. Но если ты не ценишь то, что начинаешь испытывать, ты не сможешь этого понять. Нехватка плотская. Так много нужно твоему я, так много нужно твоей человечности, иначе ты чувствуешь нехватку. Но в то же время, чем больше проявляется Христос, как это случилось с Марией Магдалиной, тем больше ты не можешь спать по ночам, потому что ты скучаешь по Нему. И тем более в день Воскресения ты не можешь оставаться в постели, ты встаешь искать Его. И если у тебя нет этого желания, когда вы просыпаетесь утром, желания идти искать Его, делая молчание, чтобы побыть с Ним, какой смысл вставать утром? Это как будто искать крошки, которые оставят тебя еще более пустой. Ты встаешь иначе, только если понимаешь, что Христос, как никто другой, пробуждает в нас все желания. Но почему он так сильно его пробуждает? Потому что он единственный, кто отвечает. Он единственный, кто может откликнуться на все ваши желания, и поэтому он единственный, кто пробуждает их все больше и больше. И не для того, чтобы отменить их, а для того, чтобы с каждым разом все больше удовлетворять. В тот день, когда ты не скучала бы по нему, тебе было бы наплевать на Христа, так же как тебе было наплевать на другого, если бы ты не скучала по нему. Следовательно, то, что ты сильнее ощущаешь безотлагательность этой ностальгии, – это самый явный признак, как ты сказала ранее, Его присутствия. Теперь решай, отвечает ли это всему желанию, иначе ищи другого. Попробуй! Тебе решать.

Недавно у меня была возможность провести несколько дней в общине, в которой собрались люди, которые лечатся от различных видов зависимости; Я сделал это по приглашению друга, который ее основал, для проверки того, что я делаю. Это были три очень напряженных дня, которые дали мне возможность проводить встречи и организовывать диалоги, которые вызвали у меня сильную тоску из-за страданий, драматических историй, брошенных, длительных заключений – для некоторых на половину жизни – и разбитых семей. В основном я видел людей, даже молодых людей, которые промотали свою жизнь, заполняя свое свободное время табаком, игрой в карты и турнирами по настольному футболу. Лучшее, что я унесу с собой, – это доверительные диалоги. В некоторых из них я мог видеть, что дело не только в том, что промотали свою жизнь. Например, я имею в виду парня, который воодушевился, когда узнал, что я умею играть на гитаре, и сказал мне, что хотел бы научиться играть на барабанах, а затем он хотел бы пойти в школу, чтобы стать механиком. Другой – очень хороший декоратор, и он научил меня делать глиняную посуду. Я увидел другого мальчика, которому чуть больше двадцати лет, у которого зажегся взгляд, когда я сказал ему, что, возможно, у меня будет возможность узнать, как делала у его брат в тюрьме, и это его самая большая привязанность. Еще больше у меня

вызвали тоску окончания диалогов, потому что я почувствовал всю горечь «но». «Конечно, в душе есть желание, но...». «Я мог бы сказать тебе, чем хочу заниматься, когда уйду отсюда, но...». Все заканчивалось «но». Казалось, что это желание не имела никакой ценности, потому что реальность для них была большим «но», а не союзником, поэтому мы должны довольствоваться тем, что имеем. Я рассказываю вам об этом, потому что я был очень впечатлен, увидев, что двигатель есть, но потом он заглох. Это случается и со мной, и поэтому я это очень хорошо понимаю. Даже когда появляется немного бодрости, лучше бросить оставить ее при себе, как это случилось, когда я предложил фильм для просмотра, и позже пришел мальчик и сказал мне, что он ему очень понравился и что его бы еще раз пересмотрел, но он не хотел говорить это перед другими, чтобы не показать излишнего энтузиазма. Мне кажется, что это время небытия и скуки, которое я видел, похоже на полосу препятствий; это вызвало у меня некоторые вопросы. Почему работает двигатель нашего человечества, но он так часто глохнет? И почему желание потеряло свое достоинство? А потом: кто я перед всем этим? Потому что перед ними я испытываю тоску, и я не хочу потерять того, с кем встречаюсь.

Каррон. Что это тебе говорит? Во-первых, что двигатель есть, а значит, есть желание, ностальгия, наше желание жить лучше даже в депрессии. Нет ничего, что могло бы его устранить. Мы можем оказаться в лучшей или худшей ситуации, а двигатель останется целым. «Но», которое блокирует двигатель, – это решение свободы, и в этом заключается вся игра. Если перед желанием полноты я не соглашусь с ним полностью, потому что не знаю, как это будет достигнуто, если я заблокирую его с помощью «но», то приключение окончено.

Что должно произойти, чтобы «но» не возобладало? Это вопрос, который нужно задать. Если в жизни мы не встаем на путь постепенного возрастания, с течением времени, в доверии к Тому, Кто пробуждает наши желания, неизбежно, что в конце концов наши «но» возобладают. А что совершает Тайна? Брось вызов всем нашим «но», постоянно открывая новые возможности, чтобы мы могли понять, как мы говорили вчера, что на небе и на земле больше вещей, чем в нашей философии. Возможностей больше, чем мы можем себе представить. Постоянно бросая нам вызов, Тайна делает нас разумными, по-настоящему открытыми для целостности. Это делает нас настоящими, как сказал я на школе общины.

Именно на этом уровне разыгрывается борьба с нигилизмом: все зависит от того, окажутся ли эти мальчики перед людьми, в которых нигилизм побежден. Как все видели Одного, Иисуса, который сметал их «но» уникальным способом, просто находясь перед ними, и не потому, что он всегда автоматически отвечал на каждую нужду: иногда он отвечал, иногда нет, на самом деле он не исцелил всех встреченных больных. И если те, кого он исцелил, не росли в уверенности в том, что они не одни, как собаки, и что существует другая возможность, которая постоянно превосходит их меру, то в конце концов их «но» возобладало бы.

Мы призваны, мы были призваны, избраны в качестве нашего призвания именно для того, чтобы увидеть побеждающего Христа перед каждым «но». Вот почему Он ничего не щадит: ни депрессии, ни болезни, ни ностальгии; он ничего не щадит, потому что отношения с Ним должны быть настолько человеческими, чтобы мы могли свидетельствовать перед всеми о такой человечности, о таком способе существования в реальности, который бросает вызов всем «но». Христианство сегодня может быть интересным для людей не потому, что оно говорит о христианской доктрине – мы все думаем, что ее знаем, и поэтому она больше нас не интересует – или потому, что оно играет в игру интерпретаций, а потому, что оно ставит на первый план перед всеми настоящее, плотское присутствие, которое бросает вызов каждому «но», бросает вызов каждой депрессии, бросает вызов всем обстоятельствам. Тогда мы действительно сможем стать друзьями каждому: это величайшая необходимость, которая существует сегодня. Людям, строящим теории, есть что продать. Интернет ими полон. Но

если нет никого, кто бросает вызов «но», живя, в конце концов «но» преобладает в нас и в других. Это призвание, к которому мы призваны. Христос дает его нам за всех, чтобы мы засвидетельствовали каждому о Его победе над небытием

Берки. Продолжая то, что ты говорил вчера вечером о человечности, есть интересный вопрос о реакции собственной человечности, о том, это не препятствие и, следовательно, не большое «но».

Что это за человечность, к которой мы должны стремиться? Я всегда говорил: «Это моя человечность», и я обычно говорю: «Я сотворен таким», в зависимости от прекрасных или драматических обстоятельств, думая, что слово «человечность» – это определение для описания аспектов моего характера и темперамента. Со мной случаются хорошие обстоятельства, и мне открывается готовая ко всему и гостеприимная человечность; со мной происходит драматическое событие, и моя человечность меня подавляет, я чувствую себя подавленным. Я имею в виду обстоятельства наших дней. В прошлом году я попал в серьезную автомобильную аварию, которая не затронула другие машины, но только мать, которая была со мной. Время выздоровления было разное: двадцать дней для меня, сто двадцать один для моей матери. Через год я получаю уведомление об уголовном преследовании за нанесение телесных повреждений моей матери, хотя жалоб и заявлений нет. Это установлено новым законом об дорожно-транспортных убийствах. Это шокировало нас обоих больше, чем авария. Моя мама живет со мной, ей девяносто лет, и я всегда заботился о ней, и в тот день я ответил на одну из ее потребностей. Господь по-прежнему хотел, чтобы мы были здесь, на земле, но действующий закон, написанный людьми, причиняет мне страдания, потому что я воспринимаю это как несправедливость, я чувствую себя подавленным. Такая реакция – это тоже моя человечность?

Каррон. Ты что думаешь?

Я думаю, что да.

Каррон. И это твоя человечность?

Я всегда говорю: «Я так сотворен. Это моя человечность». Но я воспринимаю, что

Каррон. Но ты только это? Ты только эта реакция?

Нет, я не только эта реакция.

Каррон. Отлично. Эта реакция часть нашей человечности, но она не представляет всю совокупность твоей человечности. К сожалению, мы сводим нашу человечность к тому, о чем ты сказал: если обстоятельство прекрасно, ты открыт ко всему, если, наоборот, ужасна, ты подавлен. Дело в том, что – для Уголовного кодекса – в отношениях с мамой что-то произошло.

У меня были прекрасные отношения, как всегда.

Каррон. Видишь? Даже закон об дорожно-транспортных убийствах – обстоятельство, которое в другое время раздавило бы тебя – не мог разрушить ваши отношения. Вот в чем суть. И это замечательно, что ты привел пример отношений, которые, даже когда они настолько травмированы, настолько раздавлены, не могут разрушиться. Это дар отношения, защищающее от любых непредвиденных обстоятельств, отношения настолько сильного, интенсивного, постоянного, что даже бомба обвинения не может его взорвать. «Помимо ущерба и травмы, – ты мог бы сказать, – мне пришлось лечить свою мать, и вот теперь открывают уголовное дело!» Наоборот, сомнение не коснулось ваших отношений. Ты хотел бы, чтобы так было при любых обстоятельствах? Даже если этот факт расстроил вас обоих, реакция твоего характера несколько не повлияла на связь между вами. Теперь представь себе, если бы у нас были такие интенсивные и постоянные отношения со Христом, что никакие обстоятельства, даже худшие, не могли повредить или прервать их. Это отношения доверия, которые создаются с течением времени, для уверенности, которая растет с течением времени так же, как отношения с твоей матерью. Это одно и то же. Речь идет о пути, который со временем даст уверенность независимо от любого непредвиденного события. Как

случилось с Иисусом: даже страдание или крест не могли отделить его от основополагающих отношений с Отцом.

Берки. Есть человек из Бразилии, который хотел бы выступить, но для краткости я бы сразу зачитал перевод его выступления. Затем, если ты хочешь выступить, наш друг на прямой связи.

«Я нашел много предлогов, чтобы не возвращаться к введению к упражнениям. Я предпочел перечитать то, что ты написал для паломничества, и это мне очень помогло. Я зацепился за фразу: «Тайна допустила эту жертву как шаг на пути к нашей судьбе, в том паломничестве, каким является человеческая жизнь». Я хотел закрыть глаза на этот отрывок, говоря себе: “Все хорошо, и, когда я снова открою глаза, все будет на своих местах: я смогу навестить своих родителей, которых не видел почти год, на работе нагрузка будет меньше, и я больше не буду получать постоянные новости о родителях друзей, умирающих от этого вируса”. Сегодня, после разговора с другом из Святого Иосифа, который болен Covid’ом-19 и который вчера потерял отца (у него не было даже возможности пойти на его похороны или составить компанию матери), я сказал, что он должен дать свидетельство: он потерял отца и у него были все основания упасть, вместо этого он почти утешал меня, говоря, что он прожил это с уверенностью, что Христос не оставит и поддержит их. Я сказал ему, что это может быть благодатью жить так, потому что я, просто представив, что потеряю своих родителей, разваливаюсь на куски, как и из-за любых подобных новостей, связанных с другими людьми. Мои родители живут в двух тысячах миль отсюда, и из-за пандемии они не смогли приехать в апреле, как планировалось, и я не знаю, когда я смогу их увидеть. То, что дал мне этот друг, потерявший отца, и мое желание выступить вместо него на ассамблее Святого Иосифа, заставило меня сделать ставку на это предложение, и я ее сделал, поэтому я вернулся к тексту школы общины, который я прочитал только частично. Честно говоря, Каррон, это введение доставило мне много неудобств. Я хотел отправить вас туда, куда Макар не гонял телят – как здесь говорят – потому что мне показалось несправедливым, что вместо того, чтобы успокоить нас, ты продолжил рассказывать нам примеры друзей, которые говорили о своем опыте небытия. Я хотел спросить тебя: “Ты действительно хочешь, чтобы мы утонули? Разве недостаточно того, что мы так живем? Почему вы все время ты продолжаешь говорить о людях, в том числе из СЛ, которые испытывают дискомфорт?”. Я даже начинаю гневаться. Почему бы тебе просто не сказать: “ Это момент, который Господь дает как часть нашего пути” и все? Я хотел бы успокоить мое сердце и заставить его биться спокойнее, ожидая конца этого момента. Я подумал: “Похоже, что те, кто нас ведет, хотят испортить нашу жизнь”. Перечитывание этого введения целиком стало еще более тяжелым ударом. К счастью, я не бросил читать и прошел весь путь, чтобы услышать крик слепого Вартимея. В этот момент я понял, что теперь моя работа – это кричать. Ответить себе и Господу – это то, что я хочу. Крик не приносит мне комфорта, но я понимаю, что перед лицом этой реальности мне больше нечего делать».

Каррон:

Еще многое предстоит сделать. Посмотри на свой дискомфорт. Очень часто мы склонны кричать, потому что не хотим на это смотреть. Мы ищем оправдания, совершая набожный, благочестивый жест, и поэтому у нас есть причина не смотреть. Но я не хочу так жить, всегда смотря в другую сторону, как будто это не то, чем живут люди. Я хочу сказать всем – глядя на то, что никто не хочет видеть, – что на это можно смотреть, что благодаря тому, что с нами произошло, мы можем смотреть на все, на абсолютно все. Но мы не понимаем этого: «Взгляд, осознающий пустыню, не принадлежит пустыне».²⁷ Нет более драматичного и – сказали мы бы – более пессимистического описания древнего мира, чем то, что дает апостол

²⁷ L. Giussani, *Ciò che abbiamo di più caro* (1988-1989), Bur, Milano 2011, p. 432.

Павел в Послании к Римлянам. Это описание всегда меня поражало. Ученые задаются вопросом: «Но почему Святой Павел со всеми прекрасными вещами, которые он мог бы сказать, тратит время на рассмотрение ситуации?». Потому что апостол Павел, который не является социологом, смотрит на то, как Иисус смотрел на болезни, как Иисус смотрел на все потребности людей. С Христом в глазах апостол Павел мог смотреть на все, абсолютно все. И если мы тоже можем на все посмотреть, значит, Христос уже победил. Мне неинтересно, что вы говорите о Христе, что вы думаете, как защитить Христа на словах, если затем Христос – только царь кладбища, где вообще ничего не происходит. Меня совершенно не интересует такая вера. Держите ее при себе, даже если позже вы украсите ее какой-нибудь набожной молитвой. Мне интересно смотреть на все. Это великий вызов, который бросил нам отец Джуссани: религиозность – это «всегда насыщенно проживать реальность»; это не убегать от реальности, чтобы найти убежище в мире пиетизма, но идти до конца в реальность, чтобы увидеть, как там, в глубинах реальности, есть Присутствие, которое способно победить небытие, благодаря которому небытие не побеждает в нас.

Если мы не пойдем по этому пути, наше призвание будет бесполезным для мира, мира, в котором каждый пытается убежать от реальности. Некоторые бегут в путешествия – как говорил вчера Габер – а другие наполняют свою жизнь своими теориями, третьи все еще закрываются в пузыре, как сказал друг из Казахстана, который пошел навестить подругу, которая из-за страха перед заражением заперлась в доме, перестала работать и принимала снотворное. Это поражение человеческого! Напротив, апостол Павел может смотреть на все, даже на драматические ситуации своего времени, именно потому, что в его глазах был Христос. Это новое знание, о котором мы говорили на школе общины, которое возникает не в результате анализа, а из события Христа, которое позволяет нам взглянуть на все по-новому.

Я всегда привожу пример ребенка, который может войти в любую тьму вместе со своей матерью. Таким образом, мы можем смотреть на любую ситуацию вместе со Христом, если для нас Христос является присутствием. И как мы узнаем, что Христос – это компания, а не пустое слово? Благодаря нашей способности смотреть на реальность, если мы не убегаем от реальности. Вы сами решаете, что делать. Вера, которую не воспринимают во всей ее пользе для человека, которую не признают соответствующей жизненным потребностям, как говорит Джуссани, долго не просуществует. Вот почему сегодня на карту поставлено не столько наше впечатление о вещах, сколько вера в Иисуса Христа. «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?».²⁸

Ты уже немного объяснил это, но я хотела бы глубже вникнуть в вопрос о нежности, потому что вчера ты точно описал то, что произошло со мной за эти месяцы, то есть переход от оцепенения изоляции к чему-то, что произошло в реальности и это разбудило меня. На работе, во время оценки эффективности компании, два парня, которые мне подчиняются, сказали мне, что я не помогла им в некоторые моменты, и поэтому они не достигли поставленных целей, в том числе по моей вине. Они молоды, и поэтому вполне нормально, что это не их вина, но я был очень подавлена, потому что было ясно, что доверительные отношения, которые я пыталась установить с ними, не прошли проверку временем, а затем я поняла, что они были правы в некотором смысле. Что случилось? Уважение ко мне мгновенно исчезло, а вместе с ним и все, что мне важно в моей жизни, следовательно, призвание, что Христос предпочел меня, друзья, которые ничего не могли поделать с моим «я ничего не стою, потому что «я потерпела фиаско». Это было определение себя, которое я дала в те дни: ценность самого себя совпадала с тем, что я знала или не умела делать. В последующие дни единственное, что меня подбодрило, – это беседа с моим начальником, который вернул мне уважение к работе, а также помог мне

²⁸ Лк. 18,8.

увидеть ошибки. Однако для меня этого было уже недостаточно, потому что с этого момента во мне началась работа над нежностью, о которой ты говоришь во второй главе *Сияния в глазах*. Я сказала себе: «Что, если дела на работе по-прежнему не идут хорошо? Я поменяю работу, буду учиться. Не в том ли дело, что я совпадаю с тем, что умею делать? Это невозможно. Все внутри меня кричит об этом». В этой главе ты цитируешь Иоанна Павла II: «Нежность – это искусство «чувствовать» всего человека».²⁹ Как научиться этому? И, прежде всего, как эта уверенность выстоит перед лицом разочарования в себе? Спасибо.

Каррон. Становится уверенностью, если только ты идешь по описанному тобой пути. Когда ты в чем-то потерпела неудачу, тебе хочется судить себя следующим образом: «Я недостойна, так как я потерпела неудачу», потому что определение тебя связана только с тем, что ты можешь сделать, с твоим успехом. Когда ты сталкиваешься с ситуацией, в твоём сознании обнажается то, что ты думаешь о себе. Но иногда, как в этом случае, тебе посчастливится найти начальника, который видит дискомфорт и предлагает утешение. Но дешевых утешений недостаточно, даже от начальника. Итак, к чему ты пришла? К чему-то, о чем я не знаю, осознавала ли ты раньше и насколько сильно: ты не совпадаешь с тем, что делаешь. Ты понимаешь? Теперь ты посмотришь на себя взглядом, о котором ты раньше не мечтала. Но почему Христос не пощадил тебя на этом пути? Потому что он хочет раз и навсегда избавить тебя от отождествления себя с твоим успехом. Дело не в том, что в жизни движения ты никогда не слышала о том, что ценность «я» не совпадает с успехом, но одно дело воспринимать это как абстрактную доктрину, а другое дело – испытать это на собственном опыте, чтобы определение проникло до мозга костей, становясь твоим самосознанием. «Поэтому, – говорит Джуссани, – если мы избавимся от этого усилия, эта нежность не войдет в наше самосознание, в вибрацию нашего разума». С другой стороны, когда эта нежность по отношению к тебе становится твоим опытом, тебе больше не нужно ничего подвергать цензуре, чтобы идти вперед, потому что ты приобретаешь способность смотреть на себя целиком, как говорит Иоанн Павел II. Эта уверенность возникает медленно. И тот, кто не идет по пути, который ты начала исследовать, может забыть об этой уверенности, потому что никто не сможет пощадить его на этом пути. Это жизненное приключение, очарование жизни, даже когда дела идут плохо, когда мы терпим неудачу. И если, когда он понимает, что он не на высоте, он получает похвалу начальника, но этого недостаточно, потому что этого недостаточно, он слишком мал по сравнению с возможностью духа, по сравнению со всей неотложностью нежности, в которой мы нуждаемся. Если я в восторге от Джуссани, то именно по этой причине, потому что он познакомил меня с этим жизненным опытом, который ты уже начинаешь интуитивно понимать. Если тебя интересуют приключения, ты все больше и больше будешь открывать для себя реальность. Если, с другой стороны, ты безумно боишься и прячешься в казармы зимой, если ты укрываешься в пузыре, чтобы согреться, и никакой вызов тебя не потрясает, тебе решать, хочешь ли ты задохнуться или принять участие в приключении. Тут и сравнивать нечего. Мы можем потерять жизнь живя, как говорит Элиот, или заслужить ее живя. В чем разница? Не в то, что с тобой что-то произошло одни вещи, а с другими-другие. Со всеми случаются вещи, подобные тем, о которых мы рассказываем друг другу, но многие, не имея свободы и смелости встретиться с ними лицом к лицу, находят убежище в чем-то, придуманном ими, чтобы скрыть свое поражение, по причинам, которые напоминают эпитафии на их могиле, вместо того, чтобы противостоять им со всей необходимой смелостью. Христос пришел, чтобы ввести, создать в мире новое существо, которое не пасует перед лицом человеческих вызовов. Но только если ты позволишь Иисусу дойти до мозга костей, Он сможет дать тебе уверенность, необходимую для жизни. Теперь, столкнувшись с этой ситуацией, ты обладаешь еще большей человечностью, которой у тебя

²⁹ K. Wojtyła, *Amore e responsabilità*, Marietti, Torino 1980, p. 150.

не было, если бы тебя пощадили. Если бы я не смотрел на много вещей в своей жизни, если бы я был избавлен от этого, этого и этого другого, я не был бы тем, кем я являюсь сейчас. Вот почему я всегда с энтузиазмом смотрел на то, что Тайна не щадила меня; дело не в том, что ей нечего было делать, а в том, что Тайна страстно любит мою и твою судьбу, как мать, которая хочет, чтобы ее ребенок вырос, и по этой причине она не оберегает его от всех жизненных невзгод, а сопровождает его, чтобы он смог жить в тех ситуациях, в которых он окажется в будущем, в которых мать не сможет помочь априори. Поступая так, она делает его более и более прочным, чтобы он имел возможность противостоять вызовам. Есть два вида компании: один, который хочет лишить тебя отношений с реальностью, и другой, который ведет тебя к победе. Вы сами решаете, какую компанию хотите. Всегда найдется кто-то, чтобы утешить вас, но для жизни этого не нужно, даже если это может быть полезно, этого недостаточно. В этом выборе, в этой драме решается жизнь.

Берки. Я читаю последнее свидетельство.

«Привет всем. В течение почти двенадцати лет я болею боковым амиотрофическим склерозом (БАС), но мне грустно не из-за этого обстоятельства, которое выбрал для меня Иисус, потому что это эта болезнь стала возможностью открыть свою веру. И все же я беспокоюсь. У меня так много мыслей, что иногда я говорю Иисусу: «Освободи меня от некоторых моих мыслей». Я думаю о своем доме, о том, что с ним станет после моей смерти, я думаю о своих дорогих книгах, тщательно собранных на протяжении многих лет, я думаю о детях и безработных, я думаю о внуках без веры и так далее. Почему я так беспокоюсь? Почему я не доверяю Господу? Спасибо за все.»

Каррон.

Ты беспокоишься, потому что живешь с осознанием того, что все – это возможность, все было возможностью, даже обстоятельство, допущенное Тайной, то есть БАС; эта болезнь была не против тебя – как мы видим, когда навещаем тебя – но, чтобы ты росла. Что говорит тебе этот вопрос, это беспокойство, которое ты испытываешь по отношению к своим детям, своим внукам? Проблема не в том, что ты можешь избавить их от обстоятельств, которые Тайна придумала для них, поскольку она не пощадила даже тебя, а в том, чтобы ты признала, что в твоём опыте уже есть какая-то причина, чтобы доверять себя, и что если они доверяют тебе, видя, что ты делаешь, это будет твоим вкладом как матери и бабушки. О чем ты свидетельствуешь? Что ты им предлагаешь? Какой ключ ты предлагаешь каждому в течение последних двенадцати лет в отношении того, как ты проживаешь болезнь? Этот: только если они полагаются на Того, на кого ты полагаешься, любое обстоятельство даже БАС может стать пространством для жизни. Если ты видела, как это происходит с тобой, почему вы беспокоитесь о своих детях и внуках? Он позаботится о том, чтобы показать Свой ответ. Мы должны только проявить любопытство: «как Христос поступит с ними? Как Он отреагирует на твою заботу о своих близких?», увидев, как Он поступил с тобой.

Я заканчиваю чтением текста, который составил мне компанию в эти времена и который говорит именно об этом, потому что даже Христос не избежал искушения. Это текст великого теолога фон Бальтазара. Напротив, Христа не пощадили именно в тот момент, когда страдания и смерть бросили ему вызов, даже это обстоятельство стало поводом показать всем, как мы также видим и в тебе, интенсивность Его отношений с Отцом, которые побудили Его безмерно доверять Себе.

Фон Бальтазар пишет: «Это изначальное доверие к Отцу [Иисуса], не омраченное никаким недоверием, основано на общении Святого Духа с Отцом и Сыном: Дух поддерживает в Сыне невозмутимое доверие [Отцу], посредством которого любое намерение Отца – даже превращение персонального разделения в оставление [как это происходит в конце] – всегда будет проистекать из любви [Отца], на которую теперь, когда Сын стал человеком,

необходимо будет ответить человеческим послушанием».³⁰ В этом корень победы Христа над небытием. Его образ жизни как Сына – это именно победа над небытием, о которой ты свидетельствуешь своим детям, своим внукам и всем нам. Вот почему нас «призвали» в этот драматический момент истории, но мы вернемся к этому сегодня после обеда. Спасибо.

³⁰ H.U. von Balthasar, *Se non diventerete come questo bambino*, Piemme, Casale Monferrato (AL) 1991, p. 31.

**Заметки из лекции Хулиана Каррона на Духовных упражнения Братства Святого
Иосифа по видеосвязи
Суббота днем, 8 августа 2020.**

На входе: *Людвиг ван Бетховен, Sinfonia n. 5 - Spirto Gentil CD 11 **

- *La notte che ho visto le stelle*

Когда в последний раз с нами происходило что-то, из-за чего мы больше не могли спать? Потому что об этом идет речь. О событии, которое происходит неожиданно и захватывает все человеческое. Если это не так, мы, как и все остальные, блуждающие мины, неспособные вырваться из небытия. Это вызов, с которым мы сталкиваемся. Это не вопрос, как говорил наш бразильский друг, о том, что мы говорим о небытии, а вопрос о том, чтобы проверить, когда мы были так захвачены, когда была взволнована наша жизнь, настолько переполненная, что мы теряем дар речи, что мы больше не можем спать. Здесь мы говорим об опыте, о чем-то экзистенциальном, а не об абстрактных изысканиях или бесконечных рассуждениях, которые скрывают тот факт, что мы не захвачены, которые скрывает наш «регресс», – как говорит Габер.

В своем выступлении сегодня днем я попытаюсь найти путь, чтобы ответить на вопрос: что нас вырывает из небытия? Это помощь для чтения всего текста «Сияния в глазах»,³¹ который определенно мы не сможем прочитать сегодня днем.

Давайте помнить то, что мы сказали вчера вечером, о чем мы засвидетельствовали на утренней ассамблее. Мы можем принадлежать к Братству Святого Иосифа, мы можем быть частью жизни Церкви, но это не мешает нам переживать, что наша жизнь, как и жизнь любого человека, много раз находится во власти этого водоворота, который, по сути, мешает нам быть самими собой.

Вопрос заключается в том, о чем говорил Иисус: какая польза человеку, который приобретает весь мир, но теряет и губит себя?³²

Потому что у нас может быть все, мы можем достичь как своих рабочих, так и эмоциональных целей, реализовывать свои проекты, но как будто ничто не может нас привлечь. По этой причине наша человечность, на которой я так настаивал – мы снова увидели это сегодня утром – является неизбежным критическим препятствием для распознавания того, получили ли мы ответ, который искали. Часто мы чувствуем безотлагательность той полноты, которую сердце не может не желать, но наши попытки недостаточны, хотя они не могут нас пригвоздить. Мы это очень хорошо видим. Христианских слов недостаточно, недостаточно формальных обрядов, чтобы захватить нас, чтобы привлечь нас: это не природа христианства. Именно по этой причине, чтобы нас привлечь, Тайна наполнила [смыслом] – как говорит Бенедикт XVI – понятия плоти и крови.³³

«Caro cardo salutis». ³⁴

* «Начало – это вторжение события. Вся драма оркестра начинается с появления тех четырех начальных нот, которые постоянно повторяются. В них выражается судьба, которая в жизни проходит через ощущение недоумения, разгрома или печали, а временами проявляется в своем самом суровом аспекте: в испытании или искушении» (Л. Джуссани, «Как солнечный луч посреди тучи», in *Spirto gentil...*, op. cit., p. 105).

³¹ J. Carrón, *Il brillio degli occhi. Che cosa ci strappa dal nulla?*, Editrice Nuovo Mondo, Milano 2020.

³² Ср. Мф. 16,26.

³³ Ср. Benedetto XVI, Lettera enciclica *Deus caritas est*, 12.

³⁴ Tertulliano, *De carnis resurrectione*, 8,3: PL 2,806. Ср. X. Каррон, *Сияние в глазах*, op. cit., p. 47ss. «Плоть средоточие спасения» (прим. переводчика).

Только что-то плотское, историческое может захватить нас на достаточный промежуток времени, чтобы мы смогли избежать торжества нигилизма в нас, в какой бы форме мы это ни описали. Если вам не нравится это слово, поищите другое, но проблема в том, что мы можем проводить дни, как будто шатаясь из стороны в сторону, и ничто нас не захватило бы. Тогда жизнь становится утомительной и все более и более невыносимой. И когда жизнь бросает нам вызов своими неотложными задачами, мы видим, насколько все неспособно захватить нас. Вопрос в том, что только исходя из опыта мы можем понять, что побеждает небытие. Смысл в том, чтобы удивить нас тем, что нам настолько соответствует, что, как мы пели, мы больше не можем спать. Мы не можем избежать того, что наша жизнь наполнена этим Присутствием, которое захватывает нас до мозга костей, пробуждая все наши желания, именно потому, что в тот самый момент, когда оно заставляет нас испытывать невообразимое соответствие, оно раскрывает все наши желания в полной мере. Только встреча с исключительным присутствием может преодолеть то, что Милош называет «бездной жизни».³⁵

Каждый день мы сталкиваемся с множеством плотских присутствий, но не всякая плотью, не всякое плотское присутствие приносит с собой что-то, соответствующее всем нашим ожиданиям и, следовательно, способное привлечь наше я.

Что же тогда может победить нигилизм? Только быть привлеченным присутствием, плотью, которая несет с собой что-то, что соответствует всем нашим ожиданиям, всем нашим желаниям, всем нашим потребностям в привязанности и нежности. Если этого опыта не произойдет, мы не выйдем из нашего небытия; даже если мы культурно обучены религиозным дискурсам и если мы приложим все наши усилия, мы в конечном итоге будем говорить о Христе пустыми словами. Вот почему Бенедикт XVI говорит, что только «в воплощении [Слова] вечный Логос связал Себя с Иисусом таким образом, что [...] [через человеческую природу Иисуса], через человека Иисуса», Бог касается нас.³⁶ По этой причине воплощение Христа, Бог, ставший человеком, знаменует собой водораздел в истории человека, и никто не сможет вырвать Его из нее. Это великий вклад, который нам передал отец Джуссани: он дал нам понять, что христианство, сведенное к дискурсу или правилам, никого не интересует. Именно во плоти, — говорит отец Джуссани, — мы можем распознать присутствие Слова, ставшего плотью. Если Слово стало плотью, мы находим его именно во плоти. И тот, кто Его схватывает, понимает, что он стоит перед самым важным событием в своей жизни. Есть до и после. Мы видим, когда это происходит. О чем свидетельствует отрывок из Евангелия, которое мы недавно прочитали: та женщина, полная ограничений, которая искала своего завершения многими способами, была охвачена беспредельной нежностью, человеческим присутствием, Иисусом. Она не смогла избежать того, что Он полностью ее увлек. Давайте перечитаем этот отрывок:

«Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница. Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель. Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил. И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне

³⁵ O.V. Milosz, *Miguel Mañara. Mefiboseth. Saulo di Tarso*, Jaca Book, Milano 2010, p. 28.

³⁶ J. Ratzinger, «Cristo, la fede e la sfida delle culture», *Asia News*, n. 141/1994.

ноги и волосами головы своей отёрла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит».³⁷

Кто бы не хотел, чтобы на него смотрел взгляд, полный нежности, как у той женщины, на которую был обращен взгляд Иисуса? Что бы она ни делала, как бы ни вела свою жизнь, это не было для нее препятствием. Поэтому ни одно из обстоятельств, которые мы описали сегодня утром, не может стать для нас препятствием после прочтения этой страницы Евангелия.

Только ее человечность, хотя бы и раненая и в плохом состоянии – это в конце концов человечность каждого из нас-. Когда она встретила этого Человека, ее человечность, несмотря на все допущенные ошибки, была полностью магнетизирована до такой степени, что не было возможности остановить ее: женщина преодолела враждебность и неодобрение всех тех, кто были за столом, и она пошла умыть ноги Иисусу слезами.

Видите, как можно победить небытие? Она шаталась то тут, то там, как и все остальные, но в какой-то момент, непредвиденное, абсолютно ожидаемое и в то же время непредсказуемое, поразило ее так сильно, что у нее хватило наглости быть самой собой на глазах у всех. Она показала, насколько она была охвачена, вплоть до того, что ей было наплевать на все, что о ней подумают другие люди. И поэтому она показала всем, что может победить небытие, что может победить бесшабашную жизнь. Присутствие Иисуса настолько привлекло ее человечность, раненую и полную ограничений, что ничто больше не могло ее остановить.

С тех пор, как Иисус появился в истории, те, кто встречают Его, не могут не чувствовать, что их готовности позволить себе быть пораженным и привлеченным Им, брошен вызов. Мы говорили о пределах. Пределы не имеют к этому никакого отношения, прошлые истории не имеют к этому никакого отношения, все, что мы делали в прошлом, не имеет к этому никакого отношения, все это не имеет к этому никакого отношения, потому что Христос теперь может принять всех нас такими, какими мы есть .

Поэтому какое впечатление производит Джуссани, когда он утверждает, что ни один человек никогда не чувствовал себя таким радикально утвержденным, как взглядом, внесенным в историю этим человеком, Иисусом из Назарета, независимо от наших успехов или неудач.³⁸

Своим головокружительно утвердительным взглядом на человека Иисус говорит женщине, которая омыла его ноги слезами: «Твои грехи прощены», они больше не в счет. Преобладает именно этот взгляд. Все зло, все ошибки отошли на второй план. Он стал преобладающим присутствием для этой женщины. Это было настолько захватывающим, что сотрапезники стали спрашивать: «Кто это, прощающий даже грехи?». Но Он говорит женщине – как будто его нисколько не интересовало недоверие всех окружающих и сегодняшнее неприятие всех тех, кто не признает Его, – и тем, кто позволил себе увлечься, как она: «Вера твоя спасла тебя; иди с миром!»³⁹ Сначала с ней случается, что она полностью захвачена, спасена от своего ничтожества, от своей бесшабашности, а затем приходит утверждение Иисуса, в котором описывается опыт, который она уже переживала, уже участвуя в этом спасении.

Следовательно, не ее мысли, не ее намерения или ее усилия спасли эту грешницу из Евангелия. Это было Присутствие, у которого была такая страсть, такое предпочтение ее личности, ее «я», что она была ими покорена. Весь ход ее жизни был потрясен, изменен этой встречей: она больше не заботилась о взглядах других, потому что она была полностью определена Иисусом, его взглядом, этим присутствием во плоти и крови. Никто в ее жизни

³⁷ Лк.7,36-47.

³⁸ «Ни один человек не мог слышать утверждение его самого как абсолютной ценности, вне зависимости от его успехов. Никто в мире не мог говорить так!» (L. Giussani-S. Alberto-J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, Bur, Milano 2019, p. 7-8).

³⁹ Лк.7,48-50.

никогда не смотрел на нее так, как этот человек. Иначе она не осмелился бы войти в этот дом со свободой, которая могла бросить вызов каждому. Она не стала бы омыwać ноги слезами и вытирать их волосами. Вот это подтверждает – не слова и не речи – что я было вырвано из небытия! Это то, что говорит и всегда будет говорить с каждым человеком, оказавшимся во власти небытия и ждущим лишь того, чтобы его освободили. И его может освободить только Он, как это случилось с той женщиной.

С какой уверенностью должна была жить эта женщина, чтобы бросить вызов тому, как на нее смотрели фарисеи и весь город! Без этой уверенности мы оказываемся во власти комментариев, как наших, так и других. Напротив, все наши и чужие комментарии – ничто перед “этим” взглядом. У них нет власти над “этой” привлекательностью. Их нельзя удалить, но их способность блокировать наше мышление ограничена.

Вместе с фон Бальтазаром мы можем сказать, что речь идет об «уверенности, которая основывается не на свидетельствах человеческого разума, а на свидетельствах, явленных божественной истиной: не мы их уловили, но уловили нас».⁴⁰ Не то чтобы она схватила того человека, но она была полностью охвачена Им.

Меня не удивляет, что этот великий теолог, фон Бальтазар, сказал много лет назад, что это жизненный вопрос для сегодняшнего христианства. Если это не так, если это не опыт притягательности, как у этой женщины, христианство никому не будет интересно. Прежде всего для нас, не говоря уже о других! Мы можем сохранить определенные обряды, делать какие-то “религиозные” жесты, собираться для того, чтобы заполнить жизнь жестами, как члены в клубе, но все это не будет достаточно, чтобы привлечь нас. Поэтому фон Бальтазар говорит, что сегодня вера может быть заслуживающей доверия для мира, что окружает нас – и для нас – только «если она воспринимает себя как заслуживающая доверие вера, если вера не является, [...], в первую и последнюю очередь, “ хранилищем истинных утверждений”, которые, будучи непонятными для человеческого разума, могут быть приняты только в послушании авторитету; вера, на самом деле, несмотря на всю трансцендентность божественной истины, наоборот, благодаря ней, ведет человека к пониманию того, что Бог в истине, и благодаря этому пониманию [...] также к пониманию самого себя».⁴¹

Через плоть этого Присутствия женщина из Евангелия познала Божественную истину. Уверенность и вера этой женщины основывались «на явном свидетельстве божественной истины», на этой победоносной привлекательности, на бесподобном взгляде Иисуса, в котором она чувствовала поддержку и понимание, а также на опыте соответствия ее составляющим потребностям, которые она никогда раньше не проживала. Насколько мощно это свидетельство, насколько великолепно «это откровение славы», насколько мощно великолепие истины, «что оно не нуждается ни в каком другом оправдании, кроме самого себя».⁴²

С самого начала своей педагогической деятельности Джуссани разделяет этот аспект Бальтазара, осознавая, насколько сегодня эта очевидность является решающей для убедительности веры: «Я стал глубоко убежден в том, что вера, которая не могла быть обнаружена и обретена в опыте настоящего, подтверждена этим настоящим, не могла быть полезной в ответах на его потребности, эта вера не была способна противостоять в том мире, в котором все, все, противоречит ей».⁴³

Понятно, почему Джуссани, воодушевленный пережитым им опытом, не мог не сказать на площади Святого Петра перед всей Церковью: «Только Христос принимает к сердцу всю мою человеческую сущность. [...] “Кто может сказать о человеколюбии Христа

⁴⁰ H.U. von Balthasar, *La percezione della forma. Gloria. Una estetica teologica*, vol. I, Jaca Book, Milano 2005, p. 120.

⁴¹ *Ibidem*, p. 125.

⁴² *Ibidem*, p. 126.

⁴³ L. Giussani, *Il rischio educativo*, Rizzoli, Milano 2014, p. 20.

миротворящего?” Я повторяю эти слова вот уже пятьдесят лет!». ⁴⁴ Что за опыт, который он прожил!

Только если наша человечность будет воспринята и принята таким образом, мы сможем действительно стать самими собой. Следовательно, это не зависит от наших усилий, а просто от того, чтобы позволить себе быть вовлеченными целиком. «Христос меня привлек всего, настолько Он прекрасен!». ⁴⁵

Но как мы можем повторить опыт грешной женщины? Только если Он, Христос, останется современным. Только современность Христа может вырвать нас из небытия. Только Его присутствие, здесь и сейчас, может быть адекватным ответом на нигилизм, на пустоту смысла, на то, что нас шатает туда и сюда. «Иисус Христос, – продолжает Джуссани, – тот человек, живший две тысячи лет назад, прячется, становясь присутствующим под образом, под видом другой человечности». ⁴⁶

Это означает, что Иисус становится сегодня присутствующим, плотским присутствием, не в наших мыслях, не в нашем воображении, но во встречающемся человеке, в котором мы признаем отличие, взгляд, способность оставаться в реальности, свободу, смелость, знание, которые нас приводят в смущение. Об этом нам свидетельствуют многие, как вы можете прочитать в книге. Я прочитаю только одно свидетельство, то, из которого родилось название.

«Вот уж не думал, что на пороге пятидесятилетия можно родиться заново. Я прожил сорок семь лет с убеждением, что Иисус Христос – не „что-то“ обязательное для меня. Все эти годы

я преследовал цели, не выдерживавшие натиска времени: университет, профессию, семью. [Все может быть хорошо, но] Всякий раз, осуществив задуманное, я не испытывал удовлетворения и отправлялся на поиски новых целей. И хотя многим моя жизнь казалась прекрасной, у меня складывалось ощущение, будто я подпитывал себя тем, что не насыщало. Все это довело меня до глубокого внутреннего кризиса. [Потому что, если все идет хорошо и недостаточно, что тогда достаточно?] Я чувствовал себя бесполезным, а отношения с друзьями, коллегами и близкими усложнялись. Мне хотелось быть в одиночестве. [Вместо этого происходит непредвиденное] Однажды через школу, в которой учатся мои дети, я познакомился с человеком, чьи глаза сияли. Он тоже переживал непростой момент, связанный с проблемами на работе, но я видел, что он спокоен, уверен в себе, одним словом – радостен. Я не знал, благодаря чему он такой, не знал, что он из „Общения и освобождения“. Между нами зародилась крепкая дружба, я желал быть в компании того человека. Мы с семьями вместе поехали в отпуск, и мое любопытство в его отношении все росло. Я начал встречаться с его друзьями, которые со временем стали и моими друзьями, участвовать в том, что предлагало Движение. Я вновь начал молиться, ходить на мессу, приступать к исповеди. Порой я спрашивал себя: «Почему ты это делаешь?» – и отвечал: «Потому что чувствую себя лучше». ⁴⁷

Нет другой причины смотреть на себя по-другому, принимать свою человечность, смотреть с той нежностью, с которой на меня посмотрели. «Я чувствую себя лучше!». Тогда я живу этим Присутствием; и вся компания друзей зовет меня ко Христу. Это метод, с помощью которого передается вера и всегда может быть передана [в дальнейшем]: непредсказуемая встреча, которая пробуждает желание и побуждает человека проверить обетование, которое она несет с собой, участвуя в жизни христианской общины.

⁴⁴ L. Giussani-S. Alberto-J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, op. cit., p. 8.

⁴⁵ Jacopone da Todi, «Lauda XC», in *Le Laude*, op. cit., p. 313.

⁴⁶ L. Giussani, «Qualcosa che viene prima», in *Dalla fede il metodo*, Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, Milano 1994, p. 39.

⁴⁷ J. Carrón, *Il brillio degli occhi*, op. cit., pp. 65-66.

Чтобы овладеть истиной, как в этом случае, достаточно искреннего внимания. Но это внимание совсем не очевидно; Симона Вейль объясняет, почему: «В нашей душе есть что-то, что избегает нашего внимания гораздо сильнее, чем плоть противится усталости. [...] Внимание состоит в том, чтобы отложить свою мысль, оставить ее доступной, пустой и проницаемой для объекта»,⁴⁸ чтобы он мог принять ее целиком.

Именно следуя за тем, что улавливает внимание, я постепенно становлюсь все более и более уверенным, вплоть до полного доверия. Почему Петр мог доверять Иисусу? Только потому, что жизнь с Ним убедила его, что, если он не мог бы доверять тому человеку, который сделал возможным этот опыт другой человечности, кому он мог бы еще доверять? Вера состоит именно в этом признании: «Иметь достаточно искренности, чтобы признать это Присутствие, достаточно простоты, чтобы его принять, и достаточно любви, чтобы пойти за ним, – это т.е. вера».⁴⁹

Как говорил Джуссани на площади Святого Петра, это легко, доступно для всех, независимо от нашей персональной истории, нашей жизни: «Это простота сердца заставила меня почувствовать и признать исключительность Христа с той непосредственной уверенностью, которая приходит при неоспоримой и несокрушимой очевидности обстоятельств и моментов действительности, которые, возникая в поле зрения нашей личности, проникают в самое сердце».⁵⁰ Именно это притягивает жизнь.

Но как мы можем научиться такому образу жизни в реальности?

Иисус жил на земле, как и каждый из нас. Как истинному человеку, ему приходилось иметь дело с частными, ограниченными, преходящими вещами, Он претерпевал испытания и страдания, вплоть до своей смерти на кресте. Но что позволило ему не поддаться неполноте и не впасть в нигилизм, когда все исчезает и ничто нас не захватывает? Как могло случиться, что Христос, проживший человеческий опыт, подобный нашему, не был подавлен нигилизмом, участвуя в наших обычных делах?

Он проживал отношения с каждым аспектом реальности как великое событие, которое заставило его встречать все лицом к лицу с таким напряжением, как у влюбленного. В переживании великой любви все, что происходит, становится событием, – всегда говорил нам отец Джуссани, цитируя Гуардини, – все приобретает значение, которое в обычной жизни почти ничто, но в истории великой любви становится событием.

И что делает все это событием? В случае влюбленного человека это отношения с любимым человеком. Какие отношения были настолько важны для Иисуса, что определили его отношения с реальностью как с постоянным событием, в постоянном восхвалении всей реальности? Что позволило ему переживать реальность с такой интенсивностью? Его отношения с Отцом. Иисус не возлагал свою надежду на самоутверждение, на Свой план, на Свою попытку, но Он проживал все как великое событие благодаря своим отношениям с Отцом. Таким образом, Иисус ввел в историю образ жизни, который не впадает в нигилизм.

Вот почему возникает большой вопрос: как этот захватывающий взгляд на мир и на нас самих, на реальность может стать исторически привычным для каждого из нас, чтобы мы не испытывали скуку? Только если мы узнаем и испытаем тот же взгляд, которым обладал Иисус на реальность.

Джуссани нам говорит: «Если человек не рассматривает мир [каждый аспект реальности, каким бы он ни был эфемерным] как “данное”, как событие, проистекающее из современного ему действия Бога, дарящего ему мир, то мир утрачивает для него всю силу привлекательности».⁵¹

⁴⁸ S. Weil, *Attesa di Dio*, Rusconi, Milano 1972, pp. 75-76.

⁴⁹ L. Giussani-S. Alberto-J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, op. cit., p. 41.

⁵⁰ *Ibidem*, p. 8.

⁵¹ *Ibidem*, p. 29.

Теперь мы понимаем, почему, если мы не живем так реальностью, то есть как событием Того, кто дает ее мне сейчас, как это происходит в истории великой любви, все становится скучным, теряет свою привлекательную силу.

Что сделало все другим для Иисуса? Его отношения с Отцом. Мысли об Отце не были оторваны от Его образа жизни в отношениях с конкретными вещами. Точно так же, как мысли о любимом человеке неотделимы от отношений с ним. Любимый человек делает любую вещь интересной, увлекательной. Джуссани говорит: «Думать об Отце – это правдивый способ размышлять о вещах, это истинный способ размышлять о вещах: это способ взглянуть на нашу жену или мужа, наших детей, нашу работу, добро и зло, что случается с тобой, на самого себя».⁵² Как говорил тот больной: остановись, подумай и посмотри по-другому. Когда это происходит, мы не можем не смотреть на все по-другому. Андрей возвращается домой после встречи с Иисусом: его жена понимает то, что с ним случилось, благодаря тому, как он ее обнял.

Это делает все увлекательным, но, если со временем это уменьшается, все становится скучным. Итак, вопрос в том, как мы можем научиться быть детьми, как Иисус.

Как мы можем стать детьми в Сыне? Иисус познакомил учеников с сутью его отношений с Отцом. «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его», говорит Святой Иоанн, «дал власть быть чадами Божиими».⁵³

А сегодня кто нас познакомит с этим опытом? Всегда Христос знакомит нас с отношениями с Отцом. Но как?

Христос, как мы помним, сегодня вторгается в жизнь, привлекая нас к Себе своим присутствием, неоспоримым присутствием, убедительной встречей, благодаря которой я могу получить тот же опыт взаимоотношений с Ним, что и первые, кто встретил Его. Следовательно, именно в Сыне, в отношениях со Христом, присутствующим здесь и сейчас в другой человечности, мы становимся детьми, когда мы учимся говорить: «Отец» и относиться к реальности, как Иисус, с его Присутствием в глазах.

Сын знакомит нас с Тайной Отца через Церковь и становится для нас событием через благодать и встречу с харизмой, с даром Духа. Харизма – это способ, которым Дух Христа заставляет нас ощутить Его исключительное присутствие и дает нам силу принадлежать Ему с простотой и любовью.

Одна деталь готовит нас ко встрече с реальностью, и для нас она носит имя и фамилия: Луиджи Джуссани.

Благодаря дару от Бога, нас достиг взгляд, отцовство, которое так увлекло нас, что мы пережили опыт уникальной веры в отношениях с реальностью.

Как мы вспомнили в этом году, это то, что мы называем «авторитетом»: «Авторитет – это человек, который видит, что слова Христа соответствует сердцу. За этим идет народ».⁵⁴

Став детьми, мы, как и любой ребенок, можем забрать наследство у отца. И если мы поддаемся ему, мы тоже можем быть поражены, проживая реальностью с тем же энтузиазмом, с которым, как мы видели, жил и Он, с этой уникальной свободой, с этой способностью увлечь нашу жизнь. Авторитет – это настоящее отцовство. Отцовство – это постоянный актив, но потомство – это нечто настоящее. По этой причине, если это не повторится сейчас, это станет воспоминанием о прошлом, которое не может увлечь нас, схватить нас, заставив нас испытать совершенно новый опыт реальности.

Без этого поколения в настоящем отношения с Отцом не смогут стать живым сознанием в нас, и никакие усилия не смогут вырвать нас из небытия. Поэтому авторитет является важным фактором построения жизни.

⁵² L. Giussani, *La convenienza umana della fede*, Bur, Milano 2018, p. 132.

⁵³ Ин. 1,12.

⁵⁴ Da una conversazione di Luigi Giussani con un gruppo di *Memores Domini* (Milano, 29 settembre 1991), in «Chi è costui?», suppl. a *Tracce-Liturgie communione*, n. 9/2019, p. 10.

Авторитет, понятый по-мирски, то есть как власть – это отчуждающий деспотизм, который не строит. С другой стороны, подлинный авторитет является незаменимым фактором для роста я, потому что авторитет в определенном смысле является моим истинным я.

Но сегодня мы находимся в культурном моменте, когда авторитет воспринимается как препятствие на пути роста я, а не как фактор своего роста. Именно в силу этого отчуждения, продвигаемого и переживаемого, – замечает Джуссани, – «сегодняшняя культура считает невозможным познать, изменить себя и реальность “только” следуя за человеком. В наше время человек не рассматривается как инструмент познания и изменений. [...] Напротив Иоанн и Андрей, первые два, кто встретил Иисуса, следуя за этим исключительным человеком научились познавать иным образом и изменять себя и реальность. С момента первой встречи этот метод начал разворачиваться со временем».⁵⁵

Весь вопрос жизни состоит в том, чтобы встречать на нашем пути людей, которые заставляют нас так расти, которые так важны для нашего образа жизни в реальности. Потому что только это, как и тогда, может нас вырвать из небытия. Опыт присутствующей сегодня новизны, плоти, в которой можно увидеть, что слова Христа истинны, меня всего захватывают, позволяя мне начать жить настоящим, не поддаваясь небытию. Это то, что может убедить в этой нигилистической культуре современного человека, т. е. человечность, частью которой мы являемся: встречать людей, настолько присутствующих, что мы ими поражены. Потому что, как говорит фон Бальтазар, «для мира только любовь заслуживает доверия».⁵⁶

(© 2020 Fraternità di Comunione e Liberazione)

⁵⁵ L. Giussani, «Dalla fede il metodo», in *Dalla fede il metodo*, op. cit., p. 18.

⁵⁶ H.U. von Balthasar, «Solo l'amore è credibile», in Id., *La percezione dell'amore*, Jaca Book, Milano 2010, p. 144